

УДК 1:36

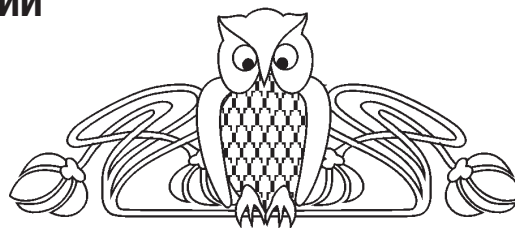
ОСНОВНОЙ ВОПРОС СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В ЗЕРКАЛЕ РЕФОРМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Осипов Николай Евдокимович –

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары
E-mail: gen-trifonov@yandex.ru

Трифонов Геннадий Федорович

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и методологии науки,
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары
E-mail: gen-trifonov@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению одной из важных проблем социальной философии – соотношения общественного бытия и общественного сознания. Авторы, используя понятийный аппарат классической философии, дают современную интерпретацию основного вопроса философии, обращаясь к событиям в России конца XX – начала XXI в., которые являются судьбоносными в её истории. Делается вывод, что современность подтверждает значение и актуальность основного вопроса социальной философии. В статье подвергаются критике некоторые новомодные направления, претендующие на последнее слово в философии. Большинство из них являются различными версиями феноменологии Гуссерля. Показано, что зачастую их терминология не несет в себе глубокого философского смысла, но представляет собой лишь словесную эквилибристику.

Ключевые слова: социальная реальность, общественное бытие, общественное сознание, духовный кризис, философская классика, марксизм, феноменология, постмодернизм.

В курсе систематической (общей) философии решение её основного вопроса предваряет рассмотрение всех других проблем. Это не случайно: основной вопрос очерчивает общие рамки интеллектуального поля философской проблематики, он так или иначе проявляется при рассмотрении каждой без исключения проблемы.

В общем курсе философии, часто называемой «теоретической философией», её основной вопрос формулируется как проблема соотношения бытия и сознания. В социальной же философии он предстает как проблема соотношения общественного бытия и общественного сознания. Если в первом случае статус общества как целостной материальной системы не выделяется особо и выступает в качестве одной из подсистем материального мира в целом, то во втором необходимо уточнять специфику бытия. Его нередко обозначают как «социальная материя», важнейшей фундаментальной характеристикой которой является объективность, т.е. независимость от общественного сознания. С точки зрения материалистического понимания истории данное

положение требует признания первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания, которое по своему содержанию в целом является результатом отражения общественного бытия.

В этом пункте основной вопрос социальной философии совпадает с основным вопросом теоретической философии. Главное же отличие между ними по части атрибутивного качества существует в понимании бытия и общественного бытия. Последнее нельзя сводить только к эмпирически отражаемой предметности, непосредственно воспринимаемой действительности. Хотя общество и возникло в результате эволюции природы (Земли и Вселенной в целом) и в этом смысле может считаться ее частью, оно приобретает свою специфику через другой атрибутивный признак – наличие сознательной деятельности людей как своеобразных атомов социальной материи.

Это значит, что человеческое общество, в отличие от сообществ животных, представляет собой определенным образом упорядоченную систему отношений между людьми, в которые они вступают как мыслящие сознательные существа, поэтому может возникнуть впечатление, что именно общественное сознание образует ядро общественного бытия. Отсюда возникает желание отождествить общественное бытие и общественное сознание. В истории философии неоднократно возникали подобные ситуации. Например, в нашей стране в начале XX в. известный ученый и социальный философ А. А. Богданов писал: «Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны» [1, с. 51]. Данную позицию А. А. Богданова, одного из представителей эмпириокритицизма, подверг критике В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм»: «Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, – со-

вершено точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще» [2, с. 344].

Нечто подобное было характерно и для западной философской мысли первой половины XX в., когда там возникло такое влиятельное направление, как феноменология, основателем которого был немецкий философ Э. Гуссерль. Будучи студентом и аспирантом МГУ им. М. В. Ломоносова, автор этих строк был слушателем спецкурса по философии Гуссерля. Тогда идеи Гуссерля воспринимались нами, скорее, как один из эпизодов истории философии, почти не перекликающихся с социальной действительностью, прежде всего с реальностью советского общества. Незыблемым идеологическим основанием жизни граждан СССР считалась марксистско-ленинская философия, исторический материализм – в особенности. И кто тогда всерьез думал, что на протяжении жизни одного поколения преподавателей философии в нашей стране все так резко переменится. Если говорить о преподавании философии в отечественных вузах, то, начиная с 1980-х и особенно в 1990-е гг., бросалось в глаза стремление, прежде всего, авторов публикаций в центральных изданиях развернуть вектор философских предпосылок на 180°. Именно тогда был взят курс на заимствование некоторых идей западноевропейской и североамериканской философии, распространение их на отечественной почве. Наиболее влиятельными стали у нас идеи феноменологии. В социальной же философии широкое распространение получили идеи феноменологической социологии, представителями которой являются П. Л. Бергер, Т. Лукман [3], А. Шюц [4] и другие авторы.

Внедрение положений феноменологии в сознание российских философов и преподавателей философии одновременно сопровождалось масштабной и не всегда объективной критикой прежних идей марксистской философии. Вернее сказать, шло тотальное очернение и отбрасывание на «свалку истории» положений классической философии в рамках постструктурализма и постмодернизма: в числе таких основополагающих положений оказались, например, «истина», «рациональность», «отражение», «универсальность», «объективность» и др. [5, с. 6]. И конечно, среди них оказался и основной вопрос философии, а в социальной философии – понятие общественного бытия и общественного сознания.

Истоки феноменологической философии восходят к Гуссерлю, который сводил роль философии к «чистому мирозерцанию» [6, с. 50]. Следовательно, он полностью отрицает практическую роль философии, определяя ее функцию как вопрошание на теоретической основе. Напомним, что свой метод философствования он называет

«редукцией», суть которого заключается в сведении внешнего мира к «феноменам сознания», поэтому в познании мы не должны выходить за пределы сознания. Это значит, что человек познает не внешний мир, но лишь феномены собственного сознания. Таким образом, традиционную проблему тождества бытия и мышления, поставленную еще в немецкой классической философии, Гуссерль фактически решает в духе субъективного идеализма. Его позиция, по существу, схожа с солипсизмом Дж. Беркли и агностицизмом Д. Юма. Действительно, когда Гуссерль предлагает вынести внешний мир «за скобки», снимается сам вопрос о познаваемости этого мира или же бытие сводится к феноменам сознания, т.е. лишается своей объективности. А поскольку жизнедеятельность людей в обществе нельзя понять без учета их сознания, то и категория общественного бытия вовсе лишается атрибута объективности.

Такой вывод с еще большей очевидностью следует из позиции американского представителя феноменологической социологии А. Шюца, который называл себя учеником Э. Гуссерля. С его точки зрения, социальная реальность не обладает объективностью, так как представляет собой intersubjective образование, результат придания смыслов всему, что наблюдается в общественной жизни. Средством и методом такого действия является язык, который и создает подлинную социальную реальность.

Взгляды А. Шюца на общественное бытие являются феноменологической разновидностью постмодернизма. Последний сводит социальную реальность к языку и тексту, и, следовательно, ее познание ограничивается языковыми и текстологическими изысканиями. Стремясь как-то обосновать свой подход, придать ему наукообразный вид, представители постмодернизма изощряются в изобретении специфической терминологии, и притом она у каждого своя, неповторимая: среди таких «глубоких понятий», например, «шизоанализ», «единогласие бытия», «фенотекст», «генотекст», «пункты проблематизации», «первичная событийная несовместимость», «точки конденсации», «точки кипения», «точки чувствительности», «точки ветвления», «квазитекст», «интертекстуальность», «бесовская текстура», «эротика текста», «пастиш», «машина желаний», «тело без органов», «резом», «руины», «хаосмос» и другие, коих не счесть! Встречаются, например, такие выражения: «умопомешательство глубины, ускользающее от настоящего», «умопомешательство темпоральной среды» и много других философских перлов философствующих субъектов.

Нами здесь приведен целый ряд терминов постмодернизма для того, чтобы показать насколько пестрыми и несовместимыми являются

позиции отдельных представителей постмодернизма в современной, с позволения сказать, философии. Вряд ли они способны выработать общекатегориальный и главное – эффективный аппарат философского осмысления действительности. Это тем более актуально и важно, что постмодернисты уничтожительно относятся к классическому философскому наследию, претендуя на последнее слово в философии.

Конечно, с развитием человеческого познания, в том числе и философского познания, происходит обогащение понятийного инструментария. На наш взгляд, в случае с постмодернизмом это «обогащение» происходит за счет заимствования терминов из разных наук без их систематизации. Такой разношерстный конгломерат пытаются организовать, обращаясь к некоторым идеям синергетики. Особенно это характерно для социально-философской версии постмодернизма. А пока для стороннего читателя публикации постмодернистов могут восприниматься как словоблудие с претензией на глубокомыслие. Хорошо, что наши отечественные авторы еще не полностью перешли на постмодернистскую терминологию. Видимо, пока сказывается действие школы методологии марксизма как наследницы философской классики, в атмосфере которой интеллектуально воспитывались наши преподаватели и авторы, но тенденция очевидна и не внушает оптимизма: молодые преподаватели все заметнее отходят от основных философских наработок классики. И если так пойдет дальше, то «умопомешательство» в нашей философии достигнет необратимых последствий, и мы действительно окажемся «на руинах» подлинной философии. Все это несколько не добавляет авторитета философии в целом и дискредитирует ее в глазах людей, интересующихся ею.

В чем же причины кризиса, происходящего в философии? Их несколько: во-первых, внешним фактором является эволюция мировой философии в целом. Она вступила в очередной период своей истории, когда во всех странах наметилась и все больше крепнет постмодернистская тенденция отхода от классики. Основная причина этого – общее разочарование в основополагающих ценностях философского модерна, которое не смогли предотвратить самые разрушительные войны XX в. Кроме того, новые ценности современной цивилизации являются результатом отражения и осмысления общества потребления, сформировавшегося в условиях господства глобального капиталистического рынка, не встречающего сопротивления; надо иметь в виду также роль всемирного информационного поля на базе развития и массового распространения коммуникационных технологий.

Во-вторых, внутренней причиной является социальная ситуация в нашей стране конца XX – начала XXI вв.: СССР не выдержал конкуренции с Западом, не нашёл адекватного ответа на вызовы научно-технического прогресса, кардинально изменившего основы социального бытия и его само. Экономический кризис, отчасти стимулируемый политическими преобразованиями, в итоге привёл к духовному кризису советское общество. Он явился (согласно положению марксизма о соответствии общественного сознания общественному бытию) отражением бытийного кризиса. В отечественной философии он проявился в том, что наши идеологи впали в состояние шока от настоящего, вызвавшего интеллектуальную растерянность. А в таком психологическом состоянии люди поддаются влиянию извне, которому они успешно противостояли бы в иной ситуации – внутренней убежденности, уверенности в правоте своих взглядов.

Третьей причиной можно считать социально-психологическую. Стремление выйти из идейного тупика, заполнить духовный вакуум приводит к обращению к тому, что уже имеется у других и может сработать у тебя. А у других имелся целый арсенал постмодернистских идей. Велик соблазн использовать их, перенеся на отечественное философское поле. Предпосылки такой ситуации вызревали уже в 1980-е гг. Началось все с философских «верхов» в период гласности, когда авторы, имевшие доступ к зарубежным изданиям, публиковали работы, в которых излагали заимствованные идеи, выдавая их за «доморощенные». Кроме того, эти авторы чаще других, рядовых вузовских преподавателей, ездили за рубеж на всевозможные конгрессы, симпозиумы и конференции. Именно там во многом были их «университеты», питавшие нашу философскую элиту «свежими» идеями. Это происходило на общем фоне уверенности большей части наших идеологов, в том числе и профессиональных философов, в абсолютной истинности и непогрешимости идей К. Маркса и В. И. Ленина, что, в конце концов, привело к застою в отечественной философской мысли.

В философии повторилась экономическая ситуация, когда наши экономисты ультралиберального направления заимствовали методы реформирования с западных лекал, без учета конкретных условий и истории нашей страны. К чему это привело, знают уже почти все. Россия до сих пор не вышла из всестороннего бытийного кризиса. К сожалению, мы поняли это тогда, когда все уже случилось. Вот такую «злую шутку» сыграл с нами один из социально-философских законов – закон соответствия общественного сознания общественному бытию

при условии его заученного провозглашения без учета конкретных форм его действия.

Возвращаясь к проблеме понимания сущности основного вопроса социальной философии, скажем следующее: общественное сознание также обладает свойством объективности, в частности, такой важнейший его элемент как общественное мнение. Оно является таковым лишь тогда, когда отражает социальную реальность. Этот факт подтверждается на примере современной российской действительности. Реформы конца XX в., проводимые нашими политиками и экономистами по указке западных советников, не привели к ожидаемым результатам (если считать, что ожидания и намерения творцов перестройки и реформ были, действительно, благими и искренними). Это свидетельствует о неадекватности сознания руководящей элиты, искаженно отражающего реальную действительность – общественное бытие. Выдавая результаты реформ за успешные, элита находится в плену ложного субъективного сознания. И если вчерашние сторонники «шоковой терапии» сегодня начинают склоняться к признанию ее ошибочности, то это свидетельствует лишь об одном – о жесткой детерминации сознания социальным бытием, как бы ни было это мучительно больно.

Разнообразные СМИ, используемые властными структурами, играют огромную роль, воздействуя на общественное сознание. Но даже они не способны кардинальным образом изменить сознание народа в желаемом для власть предержащих направлении. Рано или поздно бытие «проявит» себя как инобытие во взглядах, умонастроении масс. Следствием такой трансформации духа народа могут стать и соответствующие реальные, а не виртуальные действия по преобразованию общественного бытия.

Список литературы

1. Богданов А. А. Развитие жизни в природе и обществе // Образование. 1902. № 4. С. 33–46.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1968. Т. 18. 525 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
4. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. 1056 с.
5. Очерки феноменологической философии / под ред. Я. А. Слинина и Б. В. Маркова). СПб., 1997. 224 с.
6. Гуссерль Э. А. Философия как строгая наука // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск; М., 2000. С. 668–743.

The Basic Question of Social Philosophy in the Mirror Modern Russian Reforms

N. E. Osipov

Chuvash State University
15, Moskovskiy Prospekt, Cheboksary, 428025, Russia
E-mail: gen-trifonov@yandex.ru

G. F. Trifonov

Chuvash State University
15, Moskovskiy Prospekt, Cheboksary, 428025, Russia
E-mail: gen-trifonov@yandex.ru

The article deals with one of the important problems of social philosophy – the problem of the relation of social being and social consciousness. Using the conceptual framework of classical philosophy, the authors give a modern interpretation of the basic question of philosophy, and refers to the events in Russia of the late XX – early XXI centuries. This is not by accident, since these events are truly momentous in its history. The article concludes that modernity confirms the importance and the actuality of the basic question of social philosophy. The article criticizes some newfangled trends in Russian literature, claiming the last word in philosophy. Most of them are different versions of Husserl's phenomenology. It's shown that often terminology does not carry any deep philosophical sense, but is merely verbal gymnastics.

Key words: social reality, social being, social consciousness, spiritual crisis, philosophical classics, marxism, phenomenology, postmodernism.

References

1. Bogdanov A. A. Razvitie zhizni v prirode i obshchestve (The development of life in nature and society). *Obrazovanie* (Education), 1902, no. 4, pp. 33 – 46.
2. Lenin V. I. *Materializm i empiriokrititsim* (Materialism and Empiriocriticism). *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. 5-e izd.* (Complete works: in 55 vol. 5 ed.). Moscow, 1968, vol. 18, 525 p.
3. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. New York, 1966. 240 p. (Russ. ed.: Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti*. Moscow, 1995. 323 p.).
4. Shyutz A. The Problem of Social Reality. *Collected Papers*: in 3 vol. Hague; Boston; London, 1962. Vol. 1. 361 p. (Russ. ed.: Shutts A. *Izbrannoye. Mir, svetyashchysya smyslom*. Moscow, 2004. 1056 p.).
5. *Ocherki fenomenologicheskoi filosofii*. Pod red. Ya. A. Slinin, B. V. Markov (Essays phenomenological philosophy. Ed. Ya. A. Slinin, B. V. Markov). St.-Petersburg, 1997. 224 p.
6. Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft. *Logos I*. 1910/11. Tübingen. S. 289–341 (Russ. ed.: Husserl E. *Filosofiya kak strogaya nauka*. Logicheskie issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendentalnaya fenomenologiya. Krizis evropeyskogo tselovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka. Minsk; Moscow, 2000, pp. 668–743).